

РОССИЯ И СИБИРЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28

УДК 316.472

Зелёные практики против городских практик: контент-анализ региональной прессы Тюменской области

Наталья Анатольевна Костко¹, Ирина Николаевна Пупышева²,
Татьяна Игоревна Паюсова³

¹ доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
n.a.kostko@utmn.ru

² кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Тюменский государственный университет
i.n.pupysheva@utmn.ru

³ доцент кафедры информационной безопасности,
Тюменский государственный университет
t.i.payusova@utmn.ru

Аннотация. Проблема репрезентации, форм, направленности, влияния городских практик актуальна природой своей повседневности. Классификация городских практик по направленности действия позволила выделить зеленые городские практики. Статья вносит вклад в академическую дискуссию о характеристиках зеленых городских практик. Использован нарративный подход к анализу того, как онлайн-СМИ представляют городские практики, описывая их. Это исследование дает новые интерпретационные перспективы понимания городских практик как элемента повседневной городской жизни, определения городского социального пространства. Зеленые практики горожан являются естественной частью городских практик. Они локальны, встроены в повседневную жизнь города, целеориентированы и присутствуют в городских связях и отношениях. Зеленые городские практики обладают спецификой целеориентации, охватом тем и форм для действия. В качестве индикаторов зелёных практик мы останавливаемся на «зелёной намеренности», целенаправленности, трансформации и пересборке повседневности. Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу об отсутствии тождества между городскими практиками и зелеными городскими практиками. Удовлетворение базовых витальных потребностей, сохранение среды обитания здесь и сейчас в контексте глобальной повестки дня определяют особенность городских зеленых практик. Статья представляет собой продолжение новых направлений исследований в области городских практик и доказывает ценность нарративного подхода к анализу онлайн-СМИ как аналитического инструментария. Для реализации исследовательских целей статьи нами были использованы два метода исследования: контент-анализ текста был дополнен семантическим анализом с использованием компьютерных технологий. Форма представления информации — графические карты, представляющие отношения между понятиями.

Ключевые слова: городские практики, городское социальное пространство, городская жизнь, зеленые практики, нарративный подход, семантический анализ.

Цитирование: Костко Н. А. Зелёные практики против городских практик: контент-анализ региональной прессы Тюменской области / Н. А. Костко, И. Н. Пупышева, Т. И. Паюсова // Siberian Socium. 2023. Том 7. № 1 (23). С. 8-28.

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28

ВВЕДЕНИЕ

Современный тип общества по праву можно назвать городским. Притягательная сила городов в 21 в. только усиливается. Город как сложная социальная система аккумулирует ресурсы и капиталы развития, новые формы и свойства жизнедеятельности и в то же время демонстрирует рост деструктивных процессов и явлений. Симптоматичен в этом смысле общемировой поворот академического и политического внимания к зелёным моделям и технологиям развития городов при реализации целей устойчивого развития. В этих моделях сошлись идеи разрешения локальных особенностей и проблем развития городов и мировой контекст выживания человечества перед угрозой экологической катастрофы.

Признавая правомочность дискуссии о снижении роли локальности в повседневной жизни человека, общества в целом, нельзя не признать, что решения многих проблем современности находятся именно на этом уровне. Можно принимать на всех уровнях управления доктрины, концепции, стратегии по улучшению состояния природы и экологии, но пока ценностные основания этих проектов и моделей не станут составной частью повседневной деятельности человека, то есть не пройдут этап масштабирования и закрепления в обществе, рассчитывать на их реализацию в полном объеме не приходится. Логика размышления о современных проблемах приводит к необходимости обращения исследовательского внимания к городам как локациям, где формируются, транслируются, интерпретируются ценности и нормы человека. Мы исходим из того, что эти ценности и нормы горожан проявляются в их городских практиках, которые демонстрируют характер современных отношений и процессов в городе. Городские практики в части осмысления горожанами их целеориентации действий

не однородны, из них в особый подтип выделяются зеленые практики. Так городские и зелёные практики пересекаются и дополняют друг друга, например, через заботу о городе, которая может носить экологический характер; через заботу о природе, которая изменяет угол зрения на город. К тому же значимость их подкрепляется ролью в градостроении концепций умного города и зелёного города. Концепции сближаются в части включения в свою структуру умного горожанина как особого элемента, принимающего цели зеленого развития.

Очертив логику исследования городских практик и их связь с решением экологических проблем на локальном городском уровне, мы поставили перед собой ряд вопросов. Во-первых, выбрав в качестве объекта исследования практики, мы вступаем в дискуссию об их природе, форме и характере. Во-вторых, выделяя зеленые практики, мы должны ответить на вопрос об их соотносительности (сходстве/различии) с городскими практиками. В-третьих, значимым вопросом является определение характера встроенности зеленых практик в современный контекст города, в городские связи и отношения. Если ответ на первые два вопроса лежит в плоскости анализа методологических оснований категориального поля заявленной темы, то для ответа на третий вопрос мы проводим эмпирические исследования и используем контент-анализ материалов городских СМИ в сочетании с семантическим анализом.

Почему городских СМИ? Средства массовой информации в значительной степени ответственны за производство и распространение информации о сложившемся опыте городских практик. «Медийная среда, горожане, город в целом действуют — несовершенно, но мощно — как взаимно подкрепляющие инструменты социального согласия» [31, с. 24].

Новизна данного исследования заключается в применении нарративного подхода к контент-анализу онлайн-СМИ как способу познания и исследования социальных явлений [4]. Онлайн-СМИ были выбраны за их скорость в распространении информации, опережающую традиционные офлайн-СМИ, и перемещение массового контента в онлайн пространство [33].

Аналитики СМИ акцентируют внимание на исследовании производимого контентом эффекта: психологических и политических манипуляций общественным мнением [23]. Но в корне этих исследований лежит презумпция отражения в публикации общественной потребности, которая, в свою очередь, и делает эти манипуляции эффективными, но это допущение также открывает возможность для исследований через СМИ общественного мнения.

В данной работе применены методы количественного и качественного анализа. Анализировалась частотность слов и их встречаемость в отобранных текстах: с помощью веб-сервиса *advego.com* определялась статистика текстов (количество уникальных слов, количество значимых слов, количество стоп-слов, процент «воды» в тексте и пр.), осуществлялось построение семантического ядра, проводился частотный анализ. Результаты семантического анализа были представлены в виде облаков слов (тегов), а также ментальных карт (диаграмм связей). Визуализация облаков слов производилась с помощью онлайн-генератора *ОблакоСлов.РФ*, а разработка ментальных карт была выполнена в рамках сервиса *coggle.it*. Параллельно проведен тематический нарративный анализ [17], выявляющий причины, следствия и решения из нарративного содержания [27].

Статья дополняет имеющиеся знания в области городских практик указанием на новые направления исследований в части понимания их характера, форм проявления, связей с основными субъектами городской жизни (представителями власти, населения, элементов гражданского общества); она также доказывает ценность нарративного анализа онлайн-СМИ в исследованиях городских практик.

Целью статьи является определение общего и особенного между городскими и зелеными практиками. Объект исследования — городские практики пяти ведущих городов Тюменской области (вместе с округами). Предмет исследования — отличительные характеристики зеленых практик. В качестве гипотезы принят тезис о том, что зеленые практики — составная часть городских практик, но при этом они не тождественны. Одной из задач исследования является проверка готовности активистов городских и зеленых практик к взаимодействию с органами власти, населением, общественными организациями и объединениями.

Статья состоит из шести логически связанных частей. Первая посвящена описанию роли городов и тех концепций, которые определяют перспективу городского развития. Вторая и третья части статьи представляют операционализацию базовых понятий статьи, а именно: городских практик и зеленых практик. Эти две части обеспечивают понимание выбора единиц анализа при проведении и описании результатов эмпирического исследования. В четвертой части статьи представлены результаты контент-анализа СМИ. В двух последних частях данной работы приведена исследовательская дискуссия о цели и предмете исследования и выводы.

ДИСКУССИЯ О РАЗВИТИИ ГОРОДОВ

Урбанизация рассматривается как вектор развития современного общества. Изменения типа общества и городов являются взаимосвязанными процессами. Современные трансформационные явления описываются в терминах текучего [1], ускоряющегося [30], индивидуализирующегося [2] общества, и городам отводится доминирующая роль в них.

Города аккумулируют ресурсы и капиталы развития. В условиях нестабильности и неопределенности города стремятся активно поддерживать и развивать свою функцию локомотива развития, с опорой на внутренние ресурсы, часто нематериального свойства, встраиваясь в механизмы, связи, отношения глобализирующегося мира [16].

Актуализируется значение городов второго эшелона как центров территориального/регионального развития. Города второго эшелона — это крупные административно-территориальные единицы областного уровня, выполняющие столичные функции в рамках субъекта РФ, как следствие, аккумулирующие основные ресурсы развития региона. Значение городов второго эшелона усиливается необходимостью создания на их основе оснований для удержания главного ресурса — человеческого и преодоления тенденций стягивания всех видов капиталов развития в два столичных региона страны. Отсюда особое внимание к управлению развитием, к созданию условий для этого удержания. Этот вопрос в фокусе многих стран, но он особенно актуален в Российской Федерации. Объективные данные о дисперсном территориальном размещении крупных российских городов, их малом количестве и незначительной численности людских ресурсов (особенно на востоке РФ) подводят к мысли о том, что при сложившихся обстоятельствах потребность в новых концепциях и моделях управления только возрастает. Среди действующих концепций развития города выделим три. Это концепции умного, креативного и зеленого города. Эти концепции уже реализуются городами второго эшелона, включены в практику управления в виде стратегий и программ развития в том или ином виде. Объединяются они включением деятельностного активного горожанина.

Данные концепции имеют определенную специфику, но есть элементы, объединяющие их и создающие условия для эффективного внедрения и достижения поставленных целей. Все три концепции развития города можно условно разбить на две части: технико-технологическую и антропоцентрическую. Для первой характерно определение выбора инструментария, а именно: умные технологии, креативные индустрии, зеленые технологии и зеленая экономика. Другая часть концепции, для нас базовая, опирается на выбор активного субъекта, а именно: умного горожанина, креативного класса, представителей экологических и зеленых

движений. В этом проявляется специфичность концепций. Делая ставку на проявление и реализацию разных сторон человеческого капитала в этих концепциях, можно выделить объединяющий их элемент — городскую локальность, а также отношения между активными субъектами города. Данные отношения хорошо считаются через городские практики горожан. Мы исходим из того, что городские практики являются одним из индикаторов реализации этих концепций, то есть развития города.

На сегодня особое внимание обращено на концепцию умного города [24], о которой ведется бурная дискуссия.

Академическая литература по умным городам определила ряд возникающих тем и критических точек зрения, которые обсуждаются в рамках данной концепции: это технократизм городского управления; инновации умного города и устойчивое развитие; вызовы и угрозы, которые входят в городскую жизнь вместе с реализацией концепции умного города; тема гражданственности и экспериментального урбанизма с пространствами и т. д. [25].

Для исследовательских целей из элементов концепции «умный город» приоритет отдан умному горожанину. Значение умного горожанина определяется высокой степенью зависимости его характеристик и адаптационных способностей от условий цифровизации жизни, реализации и результативности концепции «умный город». Если говорить об усилении значения в городских процессах социального фактора как ресурса развития, то необходимо найти условия, модели, механизмы, инструменты, обеспечивающие результативность этого фактора.

Одним из способов реализации и действенности концепции является её перевод на уровень личного контекста, когда она становится частью повседневности конкретного человека. Такой подход шире простого масштабирования применения технологий умного города. Речь идет об изменении позиции горожанина в отношении того, что происходит в городе, его роли в этих городских процессах, о степени его соуправления развитием города. Данный подход позволяет

проанализировать умный город как совокупность практик, в которые по-разному вовлечены горожане, «в противовес традиционной редукции к определённому набору технологий, чьи промоутеры (проблематично) предполагают, что именно эти технологии окажут определенные детерминированные эффекты для общества» [15, с. 55].

Ряд авторов отождествляют понятия креативный и умный город [22].

Первоначально концепция креативного города распространялась на мировые города и казалось, что средние и малые города не могут использовать идеи, заложенные в ней. Однако уже имеющийся опыт использования потенциала креативных индустрий в развитии городов в мире показал прикладной характер идеи развития креативности в городах разных типов. Перспективно исследование культуры/творчества в качестве фактора развития, инструмента для достижения «некультурных целей» (например, экономических) [29].

Дискуссии о ценности концепции «зеленых» городов показали, что технологичность реализации концепции не является определяющей, хотя и способствует достижению целей. В качестве приоритетного направления предлагается установление отношений взаимодействия между основными субъектами, включенными в процесс зеленых трансформаций для достижения нового качественного состояния синергии. И здесь важно установление понимания между всеми участниками, как эти «синергии взаимодействуют для создания импульса в направлении экологической устойчивости» [21, с. 428]. Можно предположить, что социальная активность горожан, выраженная через городские («зеленые») практики, является свидетельством деятельностной заинтересованности и включенности в процессы развития города, следовательно, актуализация вопроса о готовности к взаимодействию с другими субъектами городской жизни переходит из плоскости обсуждения в плоскость практического действия и управления.

Возможно, объединение концепций условно и механистично, но это прием, который позволяет показать значение городских практик,

целеориентации и отношений, формируемых ими в городе.

ДИСКУССИЯ О ГОРОДСКИХ ПРАКТИКАХ

Практически все исследователи в области урбанистики, городской социологии и смежных наук говорят о широком распространении понятия городских практик. Обыденность понятия отмечают многие. Когда мы говорим «городские практики», то, как правило, понимаем, что речь идет о каких-то действиях горожан (организованной/неорганизованной формы), которые направлены на процессы, явления, объекты в границах города для достижения определенных целей, решения городских проблем разного масштаба. Примем данное определение в качестве рабочего.

Горожане вовлечены в различные городские практики по-разному, но все они напрямую или косвенно связаны с городом и происходящими в нем процессами. Городские практики горожан локальны. Особое внимание, в связи с этим, обращено не столько на их спектр и форму, сколько на значимость позиции горожанина, его роль и место в этих практиках, цели, положенные в основании деятельности. Практики выступают связующим звеном между горожанином и городом, что свидетельствует об их обоюдной идентификационной составляющей.

В данной работе исследовательский акцент смещен на деятельность горожан как субъектов городской жизни. Субъектность горожанина определяется его способностью к конструированию — себя, окружения, города и своих практик. Одновременно общество оказывает влияние на конструирование субъектности индивидов. Данное объяснение сделано с опорой на Э. Гидденса, который утверждает, что человеческие способности создаются и поддерживаются обществом. При «этом отчуждение человека преодолевается не разрушением общества и возвратом к более примитивному образу жизни, а преобразованием самого общества» [19, с. 715]. Объектами преобразования выступают институты общества. Данный тезис подводит к необходимости обращения к теории социального конструктивизма,

в которой «создание институтов, то, как конструируются локальные социальные порядки, объясняется наличием результатов социального взаимодействия между акторами» [10, с. 120].

Неоинституциональный подход подводит к мысли о том, что новый контекст процессов и явлений, возникающий в условиях тотальной цифровизации жизни, реализации концепции умного города, требует формирования новых правил и норм взаимодействия акторов. Эти правила и нормы взаимодействия акторов можно сформировать разными способами: как путем экспертного, но все же искусственного, конструирования необходимого должного, так и через выстраивание отношений и условий, основанных на анализе уже действующих, иногда спонтанно проявляющихся связей. Эти новые проявления действий индивидов в отношении города являются, в том числе, результатом рефлексии на вызовы современных изменений. Отсюда и исследовательский интерес к городским практикам, характеру и формам отношений горожан к другим субъектам города (власти, элементам гражданского общества).

В связи с этим следует уточнить, что в фокус нашего внимания попали практики, которые носят только конструктивный, созидательный характер. Действия, лежащие в основе практик, проявляются в том числе через выстраивание отношений и условий для них. Отношения и условия могут быть уже действующими или возникающими в результате рефлексии на современные вызовы. Отсюда исследовательский интерес к городским практикам, которые выходят на решение проблем экологии с новой зеленой повесткой городского развития. Говоря словами Э. Гидденса, исследование непрерывности искусно воспроизводимых практик позволяет понять саму основу человеческого знания. Практики принимаются как основа освещения наших действий [20].

Анализ городских практик позволяет зафиксировать происходящие изменения современного города. Обращение к теории практик определяется тем, что социальная действительность рассматривается как совокупность практик, имеющих пространственно-временную организованность;

позволяет установить характер и формы отношений, а не «только инструментальность или ценностные причины социальных действий горожан» [5, с. 31].

Практики воспроизводятся и конструируются, что делает их потенциальным объектом управления, если ставится задача создания условий для активного вовлечения горожан в процесс соуправления развитием города. Принят тезис о том, что социальные практики являются социальными системами, следовательно, они подпадают под действие принципов социального управления. «Воспроизводство социальных практик можно рассматривать как совокупность намеренных и непреднамеренных результатов поведения, координируемых как социальные системы» [20, с. 77].

В данной статье мы не продолжаем и не развиваем старый спор о том, что лежит в основании практик, какими ценностями и условиями они вызваны. При характеристике практик мы выводим за скобки ценностный подход к определению их сущностной природы, заменив на целеориентацию. Целеориентация предметна и напрямую связана с деятельностным подходом.

Мы обращаем внимание на дискуссию, которая сложилась по этой проблеме в настоящее время. Использование интерпретационной теории для объяснения связи между практиками и ценностями приводит Дж. Роза к выводу о влиянии практик на ценности. Данный подход позволяет говорить о том, что социальные и культурные практики могут определять ценности. Если следовать идее Дж. Роза, речь должна идти не о всех ценностях (речь не идет о ценностях чувственных, таких как перцептивное удовольствие, или об эстетических ценностях, воплощенных, например, в природных объектах), а о ценностях, которые способны придать жизни человека и общества смысл и цель существования, которые зависят в той или иной мере от общества. Это ценности, «которые обеспечивают организующий фокус для нашего планирования и деятельности» [32, с. 36].

Практики обладают свойством поддержания и передачи ценностей. Здесь важен вопрос, ко-

торый ставят авторы работы о принятии, о положительном оценивании уже действующих практик. Идея Дж. Роза о влиянии социальных практик на ценности, о некой их интериоризации в обществе привлекательна возможностью управления и конструирования процесса формирования ценностей. Однако приходится признать и тот факт, что «возникают ситуации, в которых люди, знакомые с соответствующими, например, культурными практиками и институтами, не будут оценивать и применять их как успешные и эффективные и не будут им следовать и поддерживать те ценности, которые с ними ассоциируются» [32, с. 7].

В качестве рабочего принято положение о том, что «практика — способ освоения (приспособления, адаптации) актуальных условий жизни или же способ «обхода» (уклонения) от них, или же способ изменения этих условий» [3, с. 73].

Принимая в целом характеристики и типологизацию повседневных практик, которую предложил О. Б. Божков, а именно: 1) выбор классификационных оснований в виде целеориентации практик: «приспособительные практики (сохранение) и мобилизационные практики (достижение) и 2) инструментарий для их достижения: традиционные или инновационные практики» [3, с. 74], в данной работе мы ставим акцент на цели и отношения, которые лежат в основании данных практик.

Для целей анализа выделен ряд признаков, отвечающих за характеристику отношений, которые возникают в городских практиках горожан. Городские практики рассматриваются как проявления повседневности горожан, как низовые проявления активности горожан относительно городской среды, развития города в целом; специфическое отношение и формы взаимодействия городских активистов с органами власти всех уровней с общественными организациями, движениями, объединениями, с населением; содержательная характеристика ценностей и норм активной части горожан.

Значимым является не столько сам факт наличия/отсутствия городских практик, сколько их социально-смысловое содержание и соци-

ально-смысловое содержание отношений между органами власти и управления и горожанами, другими субъектами городской жизни. Фокус направлен на поиск синхронизации, совпадения характера и направленности практик и отношений.

Широкий взгляд на практики создал ситуацию концептуальной неопределенности относительно того, что они означают и как они могут быть описаны в рамках академической традиции их теоретического обоснования. В данной статье мы сосредоточимся на исследовании не просто городских практик, а зеленых городских практик. В исследовательский фокус попадает пересечение городских и зелёных активностей в пространстве города, нашедшее отражение в официальных городских онлайн-СМИ.

Зеленые практики в авангарде городских практик ввиду специфики их целеориентации и ценности конечного продукта — результата зеленой практики. Переход к зеленой повестке дня обусловлен давлением экологических проблем общества риска. Глобальность и масштабность проблемы и риска экологической катастрофы проникает в повседневную жизнь и делает цели зеленых практик глобальными и всеохватывающими. Роль локальности в них не менее значима в силу их влияния на витальные потребности человека, выбор образа будущего. Можно сослаться на тезис Э. Гидденса: «вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека» [18, с. 109]. Риски экологических катастроф, экологических трансформаций био- и социосреды окружают человека, давят своей жестокой неотвратимостью, проникают в повседневность (например, через потребление неэкологичных продуктов питания), заставляя анализировать происходящие экологические изменения. Осознание и последующая рефлексия трансформируется в деятельность, практики.

При этом мы различаем экологические и зелёные практики. Деятельность определяется нами как «зелёная» на основе её зелёного позиционирования, то есть через отнесение к зелёным ценностям. Такие ценности можно укрупнить до

трёх направлений: сохранение биоразнообразия, уменьшение вредного воздействия на окружающую среду и ответственное потребление. Акцент на позиционировании и продвижении важен для нас демонстрацией действия как осознанного и намеренного. В дискуссии о том, за что считать поступок плохим или хорошим (в нашем случае зелёным), за намерение или результат, мы выбираем намерение. Ключевой аргумент — только в этом случае деятель может нести ответственность, и результат нельзя свести к аффекту. Но мы признаём, что зелёные практики — сложный социальный ассамбляж в духе М. Деланда [6]. Логика ассамбляжа подсказывает нам, что однозначно поставить только ценности на место причины нельзя, как нельзя и поставить на место причины только практики. Перед нами сложное взаимовлияние деятелей, инструментов, обстоятельств, идей, финансовых источников, особенностей градостроения — всевозможных акторов, в совокупности способных дать эффект зелёной трансформации.

Следующий важный момент в определениях зелёных практик — целеполагание. При этом цели имеют некоторую специфику в духе известной максимы «Think globally, act locally» (девиз Римского клуба). В позиционировании практик как зелёных две крайности: глобальная перспектива и нацеленность на конкретное локальное действие. Глобальное и локальное сходятся в трансформации. Глобально — спасти планету от загрязнения, локально — очистить берег от мусора. Или глобально — сохранить биоразнообразие, локально — построить приют для бездомных животных или спасти участок уникального леса от жилой застройки.

Так мы подходим к ещё одному индикатору зелёных практик — пересборки повседневности. Если глобально мы хотим спасти планету, совершая при этом намеренное локальное усилие всякий раз, когда можем уменьшить вредное воздействие на окружающую среду, то эти усилия приводят нас к пересмотру всего жизненного «фона». Мы выбираем перерабатываемые ткани, упаковку, зубные щётки, маски, обувь. Наш выбор влечёт за собой регулярные походы до пун-

ктов переработки, сортировку отходов в разные контейнеры. Предпочитаем многоразовое одноразовому, маркетки без упаковки, секонд-хенды. Если мы говорим о намеренном участии в зелёных практиках, то это неизбежно меняет и рутинные практики. Таким образом, в качестве индикаторов зелёных практик мы останавливаемся на зелёной намеренности, целенаправленности, трансформации и пересборке повседневности. При этом мы полагаем, что в совокупности деятельности акторов, образующих практики, локальное и особенности города играют важную роль. Зелёные технологии в арктическом городе не равны зелёным технологиям в тропиках, равно как и моногород, жизнедеятельность которого сосредоточена на конкретных ресурсах, не сопоставим своей экологической деятельностью с городом курортной зоны.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации исследовательских целей статьи нами были использованы два метода исследования: семантический анализ и контент-анализ с использованием элементов нарративной интерпретации. Базу данных по городским практикам составили новостные материалы СМИ. Речь идет о городских официальных изданиях, имеющих онлайн версию. Онлайн новости, по сути, являются городскими нарративными сюжетами, в которых прослеживаются определенные причинно-следственные отношения. Они основаны на субъективных критериях и суждениях о том, что достойно освещения в прессе и что должно быть приоритетным [28]. Мы понимаем все ограничения, которые вызваны таким отбором. Однако отражение в официальных СМИ тех или иных городских практик может косвенно свидетельствовать об их значимости для города, выделении из общего потока информации. СМИ акцентируют повестку дня и влияют на общественное мнение. Таким образом, сюжеты средств массовой информации участвуют в формировании представлений о городской жизни и конструировании реальностей, оказывая влияние на мышление людей, стимулируют их действия. Нарративный подход представляет собой способ познания и исследова-

ния, который может быть использован для получения понимания социальных явлений через их репрезентативные проявления [28]. При этом мы новостной нарратив рассматриваем по аналогии с медицинским (при описании опираемся на Р. Николози) [8]. Компетентный журналист (как представитель официальных СМИ) воспроизводит логику и порядок общественных ожиданий и/или формирует их по принципу: «Повествование имитирует жизнь, а жизнь имитирует повествование» [11, с. 13].

Выбор контент-анализа определен тем, что это «метод исследования для объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации» [26, с. 81].

Дизайн исследования

Актуальность и проблематика темы определены в первой части статьи.

Исследовательские вопросы:

1. Какие виды городских практик чаще всего отражены в материалах СМИ по городам?

2. Каков характер взаимодействия городских активистов с органами власти всех уровней; с населением; с представителями гражданского общества в целом и по городам?

Единица наблюдения для контент-анализа — новостные сюжеты, представляющие информацию о городских практиках. Единица анализа — единица контекста, включающая в себя описание городской практики. Известно, что единицей кодирования может выступать слово, словосочетание, фраза и даже предложение. Единицы кодирования и единицы контекста определены согласно принятой методологии [14]. Кодированию подвергались полностью тексты, содержащие информацию о городских практиках. Для тематического анализа и кодирования текстов применен бланк контент-анализа.

Исследовательские вопросы определили содержание бланка контент-анализа, включающего показатели городских практик и их характеристики.

К тематическим показателям городских практик были отнесены: организация; цели; задачи; особенность проблемы; локальность; характер практики; формы и характер взаимо-

действия с субъектами городской жизни; содержание.

Контент-анализ необходим для классификации сообщений по видам практик и наличию/отсутствию взаимодействий с субъектами городской жизни: представителями власти, элементами гражданского общества. Виды практик определялись по направленности действий. Наличие взаимодействий с иными городскими субъектами — акцентом на их характер и формы.

Контент-анализ текста был дополнен семантическим анализом с использованием компьютерных технологий.

Форма представления информации — графические карты, представляющие отношения между понятиями. Таким образом, когнитивное отображение позволяет сравнивать семантические связи между текстами [12].

Мы исходили из того, что «ментальные модели — это представления взаимосвязанных понятий, отражающих сознательное или подсознательное восприятие реальности; язык является ключом к пониманию этих моделей; и эти модели можно представить в виде сетей» [12].

Выбор кодирования основан на восьми этапах кодирования категорий, указанных К. Карли [13].

Уровень анализа каждого текста по городам: фразы, словосочетания, предложения. В рамках компьютерного анализа определено количество концептов для кодирования. Для целей исследования выбрано 10 концептов, определённых исследовательскими вопросами. Исследована частота их проявления.

Мы проводим статистический анализ текста, позволяющий выделить семантическое ядро, частотность ключевых слов; построение карт смыслов. В качестве результата мы получаем семантическую модель текстов. Кроме того, мы исходим (рабочая гипотеза исследования) из того, что СМИ представляют городские практики как поле взаимодействия основных субъектов городского пространства. Это взаимодействие мы пытаемся определить через установление в тексте модальности суждения: традиционные

виды логической модальности (алетическую, эпистемическую, деонтическую) де Серто проецирует на тексты о городе [7]. Значимым является определение отношений взаимодействия между активистами зеленых практик и иными субъектами города. Повседневные городские зеленые практики через взаимодействие приобретают новый статус и характер, плавно трансформируются в социальные, что делает их повседневность значимой, тиражируемой, активной, масштабируемой. Можем говорить о формировании экологического габитуса. Семантическая модель текста позволяет сделать

акцент на визуализации и структуре текстов по городским практикам.

Сбор данных

Единица наблюдения — тексты, содержащие сюжеты о городских практиках, в электронных изданиях местных новостных газет пяти городов Тюменской области. Мы обращались к электронной версии всех указанных СМИ, на которые не требуется оформлять платную подписку для получения доступа к прочтению. В Таблице № 1 представлены издания, послужившие источником для отбора текстов.

Таблица 1. Список онлайн-СМИ Тюменской области с округами, вошедших в исследовательскую базу для контент-анализа

Table 1. List of online media of the Tyumen region with districts included in the research base for content analysis

Город	Название газеты	Количество статей/постов в газете за 2017–2019 гг. по всем темам	Количество статей/постов в газете по городским практикам
Сургут	«Сургутские ведомости»	2448	19
Новый Уренгой	«Правда Севера»	3387	13
Тюмень	«Тюменский курьер»	11207	36
ХМАО	«Самарово — Ханты-Мансийск»	1971	54
Салехард	«Полярный круг»	5774	56
Всего		24787	178

Отбор статей производился вручную без использования компьютерных программ, чтобы не пропустить интересующие нас сюжеты, которые не всегда идентифицируются как городские практики. Отнесение новостного сюжета к городской практике осуществлялось посредством соотнесения тематики текста с бланком контент-анализа

по заранее определенным тематическим категориям. Данный отбор текстов позволяет судить об адекватности выборки.

В рамках компьютерного семантического анализа в каждом из 178 текстов статей были выделены по 10 ключевых концептов. Пример в таблице 2.

Таблица 2. Пример семантического анализа текста статьи

Table 2. Example of semantic analysis of the texts of the articles

Газета «Тюменский курьер». Неравнодушные есть? 28.02.2017	
Статистика текста	
Количество символов	828
Количество символов без пробелов	720
Количество слов	104
Количество уникальных слов	82
Количество значимых слов	37
Количество стоп-слов	30

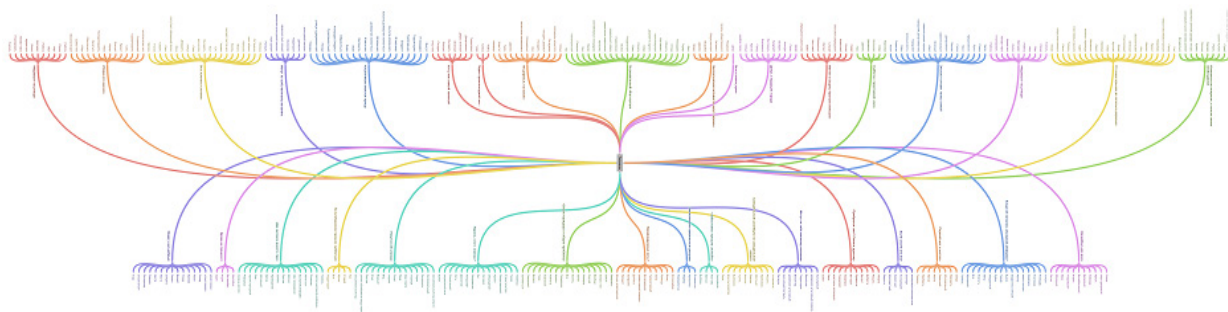
Семантическое ядро		
Фраза/слово	Количество	Частота, %
Возрождение	2	1.92
Гуманитарной помощи	2	1.92 / 3.85
Гуманитарный	2	1.92
Донбасс	2	1.92
Зона	2	1.92
Конфликт	2	1.92
Помощь	2	1.92
Продукт	2	1.92
Фонд	2	1.92
Фонда «Возрождение»	2	1.92 / 3.85
Фотография	2	1.92

Компьютерная программа Coggle, представленная в виде веб-сервиса www.coggle.it,

сформировала семантическую карту по каждому городу по зеленым практикам.

Рис. 1. Семантическая карта по г. Тюмени (приводится в качестве иллюстрации)

Fig. 1. Semantic map of Tyumen (provided as an illustration)

Семантическая карта позволяет определить популяцию концептов каждой статьи по отношению к конкретному городу. Например, по городу Тюмени выделены концепты: город, улица, активный, сбор, мусор, крышечка и т. д. Данные концепты прямо указывают на связь с зелеными практиками.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

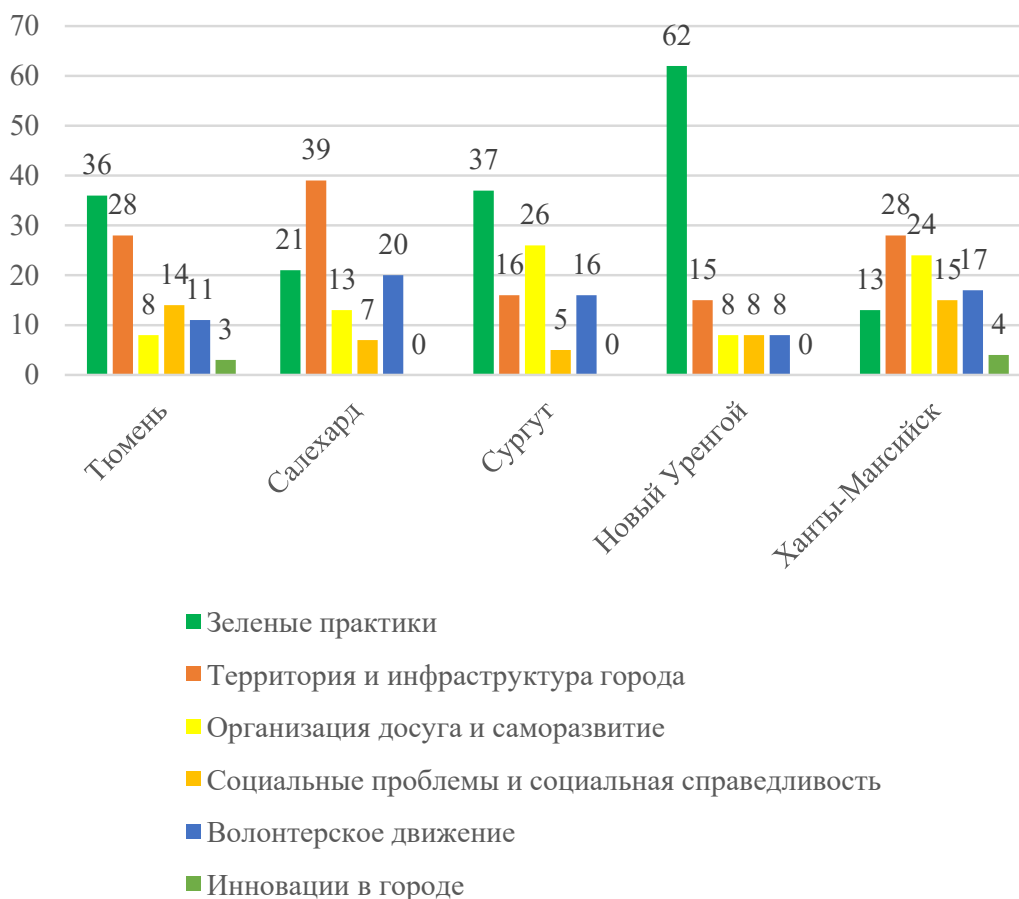
В результате контент-анализа тексты были сгруппированы по 7 городским видам практик: зеленые практики; практики направленные на усовершенствование территории и инфраструк-

туры города; практики по организации досуга и саморазвития; практики, направленные на решение социальных проблем и социальной справедливости; волонтерское движение; внедрение инноваций в городе; образовательные городские практики.

Доля сюжетов в российских изданиях Тюменской области с округами (в %): зеленые практики (33,8); территория и инфраструктура города (25,2); организация досуга и саморазвитие (15,8); волонтерское движение (14,4); социальные проблемы и социальная справедливость (9,8); инновации в городе (1,4).

Рис. 2. Доля сюжетов о городских практиках населения в городах Тюменской области (с округами), %.

Fig. 2. Proportion of stories about urban practices of the population in the cities of the Tyumen region (with autonomous districts), %

Обращает на себя внимание факт преобладания зеленых практик в крупных промышленно развитых городах — Тюмени, Сургуте, Новом Уренгое. В Ханты-Мансийске и Салехарде — окружных столицах, где сосредоточены административные структуры и отсутствуют крупные промышленные предприятия, — доля публикаций о зеленых практиках не является первостепенной, фокус внимания обращен на проблемы развития территории и инфраструктуры.

Результаты контент-анализа показали готовность активистов городских практик к взаимодействию с субъектами городской жизни (см. рис. 3), представителями власти, населением, гражданским обществом. Причем эти взаимодействия не имеют существенных ограничений.

Зафиксирована готовность активистов зелёных практик к сотрудничеству с представителями власти, населением, гражданским обществом во всех обследуемых городах Тюменской области с округами (см. рис. 4).

Стоит отметить различие по субъектам, с которыми в большей степени готовы взаимодействовать активисты зеленых практик разных городов Тюменской области с округами. Тюменцы в большей степени готовы взаимодействовать с общественными организациями и со всем населением (по 33%); с органами власти (31%).

В окружной столице ХМАО готовы сотрудничать с населением (38%); с общественными организациями и объединениями (23%); с органами власти и только с определенными органами власти (по 15%).

Рис. 3. Готовность активистов городских практик к взаимодействию, %

Fig. 3. Readiness for interaction in activists of urban practices, %

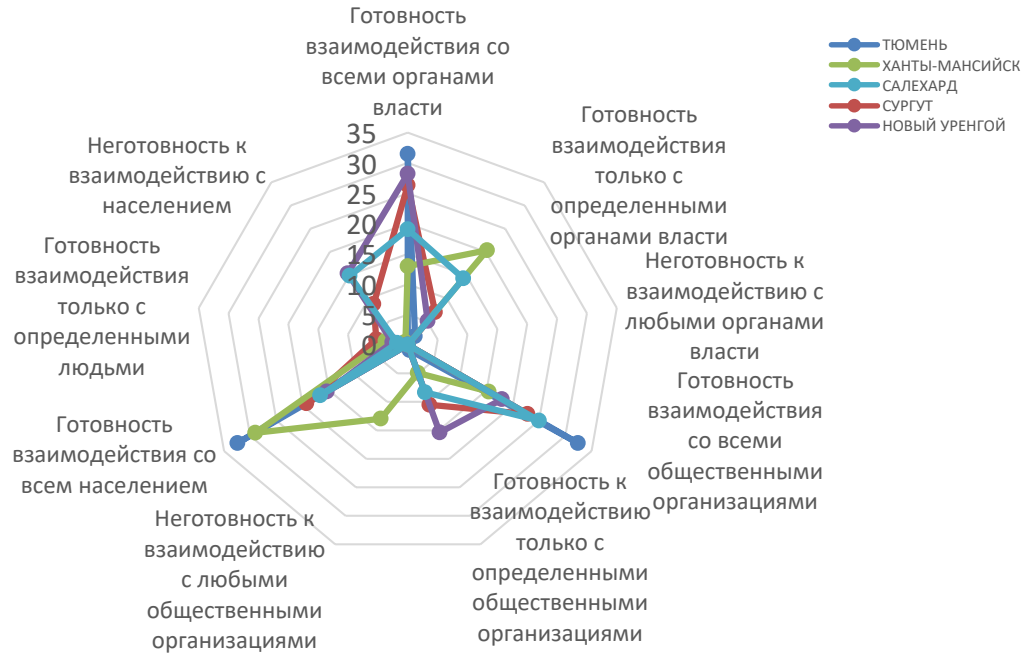
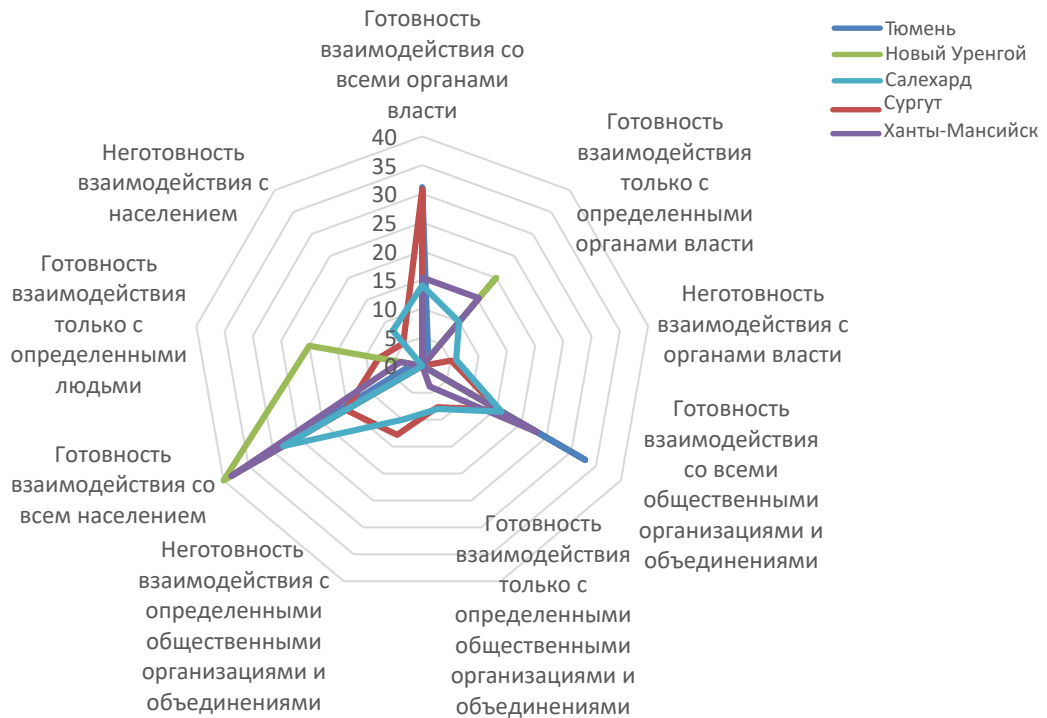

Рис. 4. Готовность активистов зеленых практик к взаимодействию, %

Fig. 4. Readiness for interaction in green practice activists, %

В Сургуте, втором по значению городе ХМАО, отношение к взаимодействию с представителями власти позитивнее (31%); готовность взаимодействовать с общественными организациями, объединениями и с населением (по 15%); при этом не готовы взаимодействовать с определенными общественными организациями (13%), и только с определенными общественными организациями и определенными людьми готовы взаимодействовать (по 8%).

В Салехарде, столице ЯНАО, активисты готовы к взаимодействию со всем населением (28%); готовность к взаимодействию со всеми общественными организациями и объединениями (16%); готовность к взаимодействию со всеми органами власти (14%); готовность к взаимодействию только с определенными органами власти и неготовность взаимодействовать с определен-

ными общественными организациями и объединениями (по 10%).

Активисты зеленых практик Нового Уренгоя показывают готовность взаимодействовать со всем населением (40%); готовность к взаимодействию только с определенными органами власти, готовность к взаимодействию со всеми общественными организациями и объединениями и к взаимодействию только с определенными людьми (по 20%).

Готовность к взаимодействию у активистов зеленых практик с основными субъектами городской жизни в округах очень избирательна.

Наложение двух диаграмм по готовности к взаимодействию активистов зеленых практик и в целом по всем городским практикам показало, что они практически совпадают. Зелёные практики хорошо вписываются в логику развития и структуру городских практик.

Рис. 5. Готовность к взаимодействию активистов городских практик и активистов по зеленым практикам, %
 Fig. 5. Readiness for interaction in activists of urban practices and activists of green practices, %

Результаты исследования показали, что обобщенные данные о готовности к взаимодействию активистов как городских практик, так и зеленых совпадают в части сотрудничества с органами власти, населения, общественными организациями и объединениями.

Как было сказано выше, контент-анализ материалов СМИ был дополнен семантическим анализом с использованием компьютерных технологий. В результате компьютерного анализа мы получили частотность концептов и семантическую карту смыслов, которые в большей степени визуализировали связи и отношения между концептами. Интерпретация семантических карт, которые были сделаны по каждому городу в целом и по зеленым практикам в отдельности показала наличие связи между концептами, которые выводят нас на смысловые конструкции о практике и выходе её активистов на взаимодействие, но она очень неопределенная и неявная. Список концептов, которые присутствуют во всех публикациях по зеленым городским практикам, включает следующие: *работа; город; дерево; проект; активист; вопрос; площадка; участник; семья; экологический; ребята; благоустройство; мусор; общественный; акция; городской; собрать; субботник; территория; двор; улица; зеленый*. Данный набор концептов скорее говорит о локальности практик, их присутствии в рамках городской жизни (работа, семья, двор и т. д.). Фиксация практик есть, однако определить связь активистов зеленых практик с другими субъектами города для совместных действий через анализ семантических ядер не удалось.

ДИСКУССИЯ

Анализ литературы по городским практикам и результаты нашего исследования обращают внимание на ряд вопросов, которые требуют более пристального рассмотрения. Зеленые практики горожан являются естественной частью городских практик. Они локальны, встроены в повседневную жизнь города, целеориентированы и присутствуют в городских связях и отношениях. Но при совпадении ряда пунктов они

не представляют общего логического тождества. Возникает вопрос: почему? Предполагаем, что отсутствие тождества обусловлено тем, что зелёные практики при всей их локальности тем не менее преследуют глобальные цели, и эта глобальность делает их универсальными, понятными, быстро масштабируемыми и диффузными. Зеленые практики способны объединять представителей разнородных действий: от сортировщиков вторсырья до зоозащитников. Городские практики по целям разьединены, они отличаются специфичностью сфер приложения, им труднее сформировать круг сторонников, сообщества. Зеленые практики как идея, в которую защиты мировые тренды сохранения человечества как естественной части природы, легко формируют сообщества (пусть и воображаемые). Границы воображаемых сообществ городских практик всё больше размываются (сложнее собираться вместе). Зеленые практики по своим целям и потребностям социовитальны, они принимаются как часть глобальной задачи сохранения жизни, удовлетворения потребностей человека в их естестве. Городские практики не игнорируют витальности, но они в большей степени социальны, в силу специфичности различных сфер приложения и целевой ориентации деятельности. Социальность городских практик в их субъектности и значимости для города.

ВЫВОДЫ

Городские практики как элемент самоорганизующейся деятельности горожан не просто присутствуют в жизни города, они становятся его неотъемлемой частью. Городские практики постепенно становятся проявлением повседневности как низовой активности горожан относительно городской среды, развития города в целом. Целевые ориентиры городских практик определяются повседневным характером проблем и задач по изменению качества городской жизни. При всей локальности городских практик и их ориентации на изменение ситуации на определенной территории, они затрагивают общегородские вопросы развития в целом. Позиции горожан, всех исследуемых городов

Тюменской области, демонстрируют готовность взаимодействовать с другими субъектами города.

Зеленые городские практики обладают спецификой целеориентации, охватом тем и форм для действия. В качестве индикаторов зелёных практик мы останавливаемся на зелёной намеренности, целенаправленности, трансформации и пересборке повседневности. Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу об отсутствии тождества между городскими практиками и зелеными городскими практиками. Удовлетворение базовых витальных потребностей, сохранение среды обитания здесь и сейчас в контексте глобальной повестки дня определяют особенность городских зеленых практик.

Выбор методов исследования показал, что опора на нарративные техники при интерпретации результатов контент-анализа открывает возможность для выводов о связях и отношениях между практиками и акторами; в то время как семантический анализ фиксирует концептуальное поле и карту, на основании которых можно делать осторожные описательные выводы о сосредоточенности событий и действий в конкретной локации. По аналогии с переакцентуацией,

произведённой Ф. Моретти для теории литературы при анализе художественных текстов как данных — с истории на географию [9], мы, благодаря семантическому анализу, получаем возможность масштабирования, картирования и иллюстрирования результатов контент-анализа, то есть, включаем пространственную оптику в повествовательные схемы.

При всей субъектной ориентированности нарративного подхода, его соединение с результатами семантического анализа при позиционировании нарратора в качестве аукториального (компетентного, всезнающего) повествователя, каким является профессиональный журналист, оставляет публикации СМИ статус единицы социологического наблюдения, позволяя при этом делать выводы не только о том, кто рассказывает, но и рассказываемом (об общественном мнении).

БЛАГОДАРНОСТИ

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00305 Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амин Э. Внятность современного города / Э. Амин, Н. Трифт // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (дата обращения: 19.02.2023).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман // пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Божков О. Б. Специфика качественных и количественных подходов: о пользе теоретического видения / О. Б. Божков // Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского / отв. ред. и вступит. ст. О. А. Оберемко; НИУ ВШЭ; РОС; ИС РАН. М.: НИУ ВШЭ, 2011. VIII, 557 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ii01wdk1cs/direct/67789607.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).
4. Видясова Л. А. Восприятие концепции «умного города» активными горожанами в Петербурге / Л. А. Видясова, Я. Д. Тензина, Е. Ю. Видясов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 404–419. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.21638/srbu12.2018.402> (дата обращения: 19.02.2023).
5. Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008. 298 с.
6. Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. М.: Hyle Press, 2018. 170 с.

7. Де Серто М. По городу пешком / М. Де Серто // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24–38.
8. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / Р. Николози. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
9. Моретти Ф. Дальнее чтение / Ф. Моретти. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 342 с.
10. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений / Н. Флигстин // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 119–157.
11. Bruner J. Life as narrative. *Social Research* / J. Bruner. 1987. Vol. 54 (1). Pp. 11–32.
12. Busch C. Content Analysis / C. Busch, P. S. De Maret, T. Flynn [et al.]. *Writing@CSU*. Colorado State University. 2020. Available at <https://writing.colostate.edu/guides/guide.cfm?guideid=61>
13. Carley K., Palmquist M. Extracting, representing and analyzing mental models. *Social Forces*. 1992. Vol. 70 (3). Pp. 601–636.
14. Content analysis: A Methodology for Structuring and Analyzing Written Material PEMD-10.3.1: Publicly Released: Sep 1, 1996. Available at: <https://www.gao.gov/products/PEMD-10.3.1>
15. Cowley R., Joss S., Dayot Y. The smart city and its publics: insights from across six UK cities. *Urban Research & Practice*. 2018. Vol. 11 (1). Pp. 53–77. Available at: <https://doi.org/10.1080/17535069.2017.1293150>
16. Crouch C., Le Gale's P. Cities as national champions? *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19 (3). Pp. 405–419.
17. De Fina A., Georgakopoulou A. Small Stories Research: Methods - Analysis — Outreach. *The Handbook of Narrative Analysis*. Wiley. 2015. Pp. 467
18. Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. 1991. Pp.109–143 // *THESIS*, 1994, Vol. 5. Pp. 107–134.
19. Giddens A. *Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology* // *American Journal of Sociology*. Published by: The University of Chicago Press Stable. 1976. Vol. 81 (4). Pp. 703-729. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2777595>
20. Giddens A. Comments on the Theory of Structuration. *Journal for the Theory of Social Behavior*. 1983. Vol. 13 (1). pp.75–80.
21. Lindfield M., Steinberg F. *Green Cities Will Become a Reality* by Michael Lindfield and Florian Steinberg. Lindfield, Michael and Florian Steinberg. *Green cities*. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank. 2012. 428 p.
22. Hall P. Creative cities and economic development. *Urban Studies*. Vol. 37 (4). Pp. 639–649. 2000. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1020.1670&rep=rep1&type=pdf> (Accessed 19 February 2023).
23. Herman E.S., Chomsky N. *Manufacturing consent. The Political Economy of the Mass Media*. 1988. 412 p.
24. Joss S., Cook M., Dayot Y. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? Analysis of the British Smart City Standard. *Journal of Urban Technology*. 2017. Vol. 24(4). Pp. 29–49.
25. Joss S., Sengers F., Schraven D., et al. The Smart City as Global Discourse: Storylines and Critical Junctures across 27 Cities. *Journal of urban technology*. 2019. Vol. 26 (1). Pp. 3–34. Available at: <https://doi.org/10.1080/10630732.2018.1558387>
26. McMillan S. J. The microscope and the moving target: the challenge of applying content analysis to the world wide web. *J&MC Quarterly*. 2000. Vol. 77(1). Pp. 80–98.
27. Padgett J. F. Faulkner's assembly of memories into history: Narrative networks in multiple times. *American Journal of Sociology*. 2018. Vol. 124(2). Pp. 406–478.
28. Pasquinelli C., Trunfio M. Overtouristified cities: an online news media narrative analysis, *Journal of Sustainable Tourism*. Available at: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1760871>. 2020. Vol. 28(11). Pp. 1805–1824. DOI: 10.1080/09669582.2020.1760871.

29. Pratt A. C., Gill R., Spelthann V. Work and the city in the e-society: A critical investigation of the sociospatially situated character of economic production in the digital content industries in the UK. *Information, communication and society*. 2008. Vol. 10 (6), pp. 922–942. DOI: 10.1080/13691180701751155 Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/20673/> Available in LSE Research Online: September 2008 (Accessed 19 February 2023).
30. Rosa H. *Social Acceleration: a New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press, 2013. 513 p.
31. Scott A. J. *Urbanization, Work and Community: The Logic of City Life in the Contemporary World*. *Quality Innovation Prosperity / Kvalita Inovacia Prosperita*. 2017. Vol. 21 (1). Pp. 9-30.
32. Raz J., Wallace R. *The practice of value*. Oxford: Oxford University Press. 2005. 156 p.
33. Walsh J.P. Social media and moral panics: Assessing the effects of technological change on societal reaction // *International Journal of Cultural Studies*. 2020. No. 23(6). Pp. 840-859. <https://doi.org/10.1177/1367877920912257>

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28

UDC 316.472

Green practices versus urban practices: content analysis of the regional press of the Tyumen region

Natalya A. Kostko¹, Irina N. Pupysheva², Tatiana I. Payusova³

¹ Dr. Sci. (Sociological), Professor, Department of General and economic sociology,
Tyumen State University
E-mail: n.a.kostko@utmn.ru

² Cand. Sci (Fil.) Docent of the Department of philosophy
Tyumen State University
i.n.pupysheva@utmn.ru

³ Docent of the Department of Information Security
Tyumen State University
t.i.payusova@utmn.ru

Abstract. The problem of representation, forms, orientation, and influence of urban practices is relevant in its daily life. Classification of urban practices by focus of action allowed us to identify green urban practices. This article contributes to the academic discussion of characteristics of green urban practices. A narrative approach is used to analyze representation and description of urban practices in online media. This research provides new interpretive perspectives for understanding urban practices as an element of everyday urban life and defining urban social space.

Citizens' green practices are a natural part of urban practices. They are local, embedded in the daily life of the city, goal-oriented and present in urban networks and relationships. Green urban practices are specifically goal-oriented; they include a range of topics and forms of action. As indicators of green practices, we focus on green intention, purposefulness, transformation and reassembly of everyday life. The findings of the study confirmed our hypothesis about the lack of identity between urban practices and green urban practices. Satisfaction of basic vital needs, preservation of the habitat here and now in the context of the global agenda determine the peculiarity of urban green practices. The article is a continuation of new research directions in the field of urban practices and proves the value of the narrative approach of online media as an analytical tool. To implement the research objectives of the article, we used two research methods: content analysis of texts was supplemented with automated semantic analysis. The form of information presentation is graphic maps representing relations between concepts.

Keywords: urban practices, urban social space, urban life, green practices, narrative approach, semantic analysis.

Citation: Kostko N. A., Pupysheva I. N., Payusova T. I. 2023. "Green practices versus urban practices: content analysis of the regional press of the Tyumen region" // *Siberian Socium*, vol. 7, no. 1 (23), pp. 8-28.
DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00305 «Social space of a smart city: methodology of development management and social construction».

REFERENCES

1. Amin E., Trift N. 2002. Vnyatnost' sovremennogo goroda [Intelligibility of the modern city]. Logos, no. 3–4. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (Accessed 19 February 2023).
2. Bauman Z. 2005. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Transl. from English. Inozemtseva V. L. (ed.). Moscow: Logos. 390 p.
3. Bozhkov O. B. 2011. Specifika kachestvennyh i kolichestvennyh podhodov: o pol'ze teoreticheskogo videniya [Specifics of Qualitative and Quantitative Approaches: On the Benefits of Theoretical Vision] // Sociologicheskie metody v sovremennoj issledovatel'skoj praktike: Sbornik statej, posvyashchennyj pamyati pervogo dekana fakul'teta sociologii NIU VSHE A.O. Kryshtanovskogo / otv. red. i vstupil. st. O.A. Oberemko; NIU VSHE; ROS; IS RAN. Moscow: NIU VSHE Publ. VIII, 557 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ii0lwdk1cs/direct/67789607.pdf> (Accessed 19 February 2023).
4. Vidyasova L. A., Tensina Ya. D., Vidyasov E. Yu. 2018. Vospriyatie koncepcii «umnogo goroda» aktivnymi gorozhanami v Peterburge. [Perception of the concept of “smart city” by active citizens in St. Petersburg]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya, vol. 11, no. 4, pp. 404-419. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.402> (Accessed 19 February 2023).
5. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. 2008. Teoriya praktik [Theory of practice]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ. 298 p.
6. Delanda M. 2018. Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assamblyazhej i social'naya slozhnost' [New philosophy of society. The theory of assemblages and social complexity]. Moscow: Hyle press, 170 p.
7. De Certo M. 2008. Po gorodu peshkom [Walking around the city]. Sociologicheskoe obozrenie, vol. 7, no. 2, pp. 24-38.
8. Nicolosi R. 2019. Vyrozhdenie: literatura i psixiatriya v russkoj kul'ture konca XIX veka [Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 512 p.
9. Moretti F. 2016. Dal'nee chtenie [Further reading]. Moscow: Izd-vo In-ta Gajdara Publ., 342 p.
10. Fligstin N. 2002. Polya, vlast' i social'nye navyki: kriticheskij analiz novyh institucional'nyh techenij [Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends]. Ekonomicheskaya sociologiya: Novye podhody k institucional'nomu i setevomu analizu [From Economic Sociology: New Approaches to Institutional and Network Analysis]. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN) Publ., pp. 119-157.
11. Bruner J. 1987. Life as narrative. Social research, vol. 54(1), pp. 11-32.
12. Busch C., De Maret P. S., Flynn T., et al. 2020. Content analysis. Writing@CSU. Colorado State University. Available at <https://writing.colostate.edu/guides/guide.cfm?guideid=61>
13. Carley K., Palmquist M. 1992. Extracting, representing and analyzing mental models. Social Forces, vol. 70(3), pp. 601-636.
14. Content analysis: A Methodology for Structuring and Analyzing Written Material PEMD-10.3.1: Publicly Released: Sep 1, 1996. Available at: <https://www.gao.gov/products/PEMD-10.3.1>
15. Cowley R., Joss S., Dayot Y. 2018. The smart city and its publics: insights from across six UK cities. Urban Research & Practice, vol. 11(1), pp. 53-77. Available at: <https://doi.org/10.1080/17535069.2017.1293150>
16. Crouch C., Le Gale's P. 2012. Cities as national champions? Journal of European Public Policy, vVol. 19(3), pp. 405-419.
17. De Fina A., Georgakopoulou A. 2015. Small Stories Research: Methods - Analysis - Outreach. The Handbook of Narrative Analysis. London: John Wiley & Sons. 467 p.
18. Giddens A. 1991. Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, pp. 109-143. THESIS, 1994, vol. 5, pp. 107–13.
19. Giddens A. 1976. Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology. American Journal of Sociology. The University of Chicago Press Stable, vol. 81(4), pp. 703-729. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2777595>

20. Giddens A. 1983. Comments on the Theory of Structuration. *Journal for the Theory of Social Behavior*, vol. 13(1), pp. 75–80.
21. Lindfield M., Steinberg F. 2012. *Green Cities Will Become a Reality* by Michael Lindfield and Florian Steinberg. Lindfield, Michael and Florian Steinberg. *Green cities*. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 428 p.
22. Hall P. 2000. Creative cities and economic development. *Urban Studies*, vol. 37(4), pp. 639–649. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1020.1670&rep=rep1&type=pdf> (Accessed 19 February 2023).
23. Herman E.S., Chomsky N. 1988. *Manufacturing consent. The Political Economy of the Mass Media*. 412 p.
24. Joss S., Cook M., Dayot Y. 2017. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Discourse Analysis of the British Smart City Standard. *Journal of Urban Technology*, vol. 24(4), pp. 29–49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
25. Joss S., Sengers F., Schraven D., et al. 2019. The Smart City as Global Discourse: Storylines and Critical Junctures across 27 Cities. *Journal of Urban Technology*, vol. 26(1), pp. 3–34. Available at: <https://doi.org/10.1080/10630732.2018.1558387>
26. McMillan S. J. 2000. The microscope and the moving target: the challenge of applying content analysis to the world wide web. *J&MC Quarterly*, vol. 77(1), pp. 80-98.
27. Padgett J. F. 2018. Faulkner’s assembly of memories into history: Narrative networks in multiple times. *American Journal of Sociology*, vol. 124(2), pp. 406–478.
28. Pasquinelli C., Trunfio M. 2020. Overtouristified cities: an online news media narrative analysis. *Journal of Sustainable Tourism*, no. 28(11), pp. 1805-1824. Available at: <https://doi.org/10.1080>
29. Pratt A. C., Gill R., Spelthann V. 2008. Work and the city in the e-society: A critical investigation of the sociospatially situated character of economic production in the digital content industries in the UK. *Information, communication and society*. Vol. 10 (6), pp. 922–942. DOI: 10.1080/13691180701751155 Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/20673/> Available in LSE Research Online: September 2008 (Accessed 19 February 2023).
30. Rosa H. 2013. *Social acceleration: a new theory of modernity*. New York: Columbia University Press. 513 p.
31. Scott A. J. 2017. Urbanization, Work and Community: the Logic of City Life in the Contemporary World. *Quality Innovation Prosperity / Kvalita Inovácia Prosperita*, vol. 21 (1), pp. 9–30.
32. Raz J., 2005. Wallace R. *The Practice of Value*. Oxford: Oxford University Press. 156 p.
33. Walsh J.P. 2020. Social media and moral panics: Assessing the effects of technological change on societal reaction. *International Journal of Cultural Studies*. 23 (6), pp. 840–859. doi: 10.1177/1367877920912257